

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

“БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ”

19 сентября 2011 года в Твери на 91-м году жизни умер сын слесаря-механика сапоговаляльного завода в деревне Журихино Кинишемского района Ивановской области. Можно сказать, что сделал это он не в самый подходящий момент. Мог бы ещё и пожить. Потому что жив ещё его старший брат Аркадий, не по своей воле превратившийся в гражданина иностранного государства, самостийного и незалежного. И не появился ещё на свет долгожданный правнук, продолжатель фамилии.

Как принято, на похороны съехались отовсюду многочисленные родственники. У гроба и на поминках вспоминали, какой прекрасный ушёл из жизни человек. В войну был на фронте и в те годы легко мог сгинуть, но судьба хранила – вернулся живой, дослужив до подполковника. Стал строителем, тут тоже “вырос” до ведущего инженера стройуправления, и сына, не из рода, а в род, определил опять же в строители, чтобы продолжил династию.

“Вот так. И что дальше? А ничего. Тогда к чему бы это? Да ни к чему. Мыслим, узнаём, ковыряемся и в конце концов преподносим... да пошли вы а задницу с такими открытиями. Этот мир – возможность счастья для всех, поэтому он так хорошо устроен, комфортно, грамотно, пользуйтесь этим, и наслаждайтесь, и скользите”.

Тут я, простите, процитировал писателя, чьё имя, как уверяет читателей издательство ОЛМА Медиа Групп, “давно уже стало символом не только Санкт-Петербурга, но и всей России”. Зачем? Ну, сам бы он на сей счёт сказал бы незатейливо: “Эти великие писатели любят ошарашивать нас такими откровениями”. “Нас” – это тех, кто “не сознаёт своего невежества”. О писательских откровениях и нашем невежестве чуть позже, а пока сохраним хронологию.

За накрытыми столами меж поминальными словами родичами было решено создать своими силами книгу памяти, в которой попытаться вспомнить о той веточке человеческих судеб, что пошла некогда от деда-прадеда из маленькой русской деревушки на Волге. Как-никак детей в семье было одиннадцать человек. Мамы их не стало, когда младший сын ещё, как говорят, пешком под стол ходил. Воспитывать младших братьев и сестёр пришлось старшей сестре. Подрастая, они разлетелись из родных мест кто куда. После войны в живых остались восемь человек. Из них четверо сумели получить высшее образование, а один даже стал кандидатом технических наук и лауреатом Сталинской премии. Обычная русская семья – тут репрессированные и награждённые, воевавшие и терявшие здоровье на трудовом фронте, разбросанные по городам на землях России, Азербайджана и Украины.

Главным летописцем семейной книги судеб предшествующих поколений, от дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек, избрали мою жену. На то были две причины. Во-первых, она относительно свободна. Минувшей осенью ушла на пенсию. Во-вторых, человек не просто пишущий, а в одной из своих книг ещё 20 лет назад затронувшая тему:

“У восьми моих дядей и тётей семнадцать детей. Одни из них родились за-долго до войны, другие – во время лихолетья, но большинство знает о войне только по рассказам родных. Из семнадцати моих двоюродных братьев и сестёр трое получили среднее специальное образование, у четырнадцати человек – высшее образование, причём одна из них закончила аспирантуру, а ещё одна – кандидат медицинских наук. Мои тёти и дяди все уже стали дедушками и бабушками, и многие из их внуков учатся в институтах и техникумах.

Когда отец повёз меня на могилу к бабушке, я знала очень много о деревенском детстве моих родственников: о речке, в которой стиралось бельё, о русской печке, на которой спали все дети разом... Мысленно я сотни раз представляла себе места, откуда пошла наша фамилия. Каково же было моё удивление, когда я увидела всё своими глазами. В рассказах моих тётушек дом их был большим, речка глубокой, а Красная горка, на которой они собирали малину и землянику для пирогов, таких размеров, что на неё карабкаться надо было с немалым усердием. То ли речка обмелела, то ли горка осела, то ли в воспоминаниях родные передавали свои детские ощущения, да только когда я вошла в избу, где родился мой отец, то увидела две небольшие комнаты да кухню с русской печкой. Глядела я на неё и никак не могла взять в толк, как могли уместиться на ней все ребятишки сразу”.

И вот первая “командировка” – едем на пару с женой в Питер интервьюировать тамошних родственников. Волей случая с собой в поездку я взял почитать книгу писателя, того самого, чьё имя стало символом Санкт-Петербурга и всей России, – Даниила Гранина “Всё было не совсем так”. В ней автор повествует о собственной и близких ему людей судьбах и, конечно же, об истории страны. Так что её без особой натяжки тоже можно считать книгой памяти в жанре “о времени и о себе”. И хотя, если откровенно, у каждого своя судьба и история страны каждым видится по-разному, интересно взглянуть и немного сопоставить разные судьбы людей. Тем более что “Сапсан” мчит нас как раз в город на Неве.

Сам я, нет, не ленинградец, однако к городу этому имею пусть крохотное, но всё же отношение. Здесь на Ново-Волковском кладбище лежит мой брат, умерший в голодный год уже после войны. Мы тогда с ним оба одновременно лежали в больницах в разных концах города, и мать разрывалась каждый день между нами, мотаясь туда-сюда. Младшему брату не суждено было выйти из больницы, а я выжил и чуть позже, пяти лет от роду, был крещён в одном из ленинградских соборов.

Тут, казалось бы, мне уместно взять и согласиться с мыслью Гранина, что “время всегда наносит раны и оно же исцеляет их”. Благо она присутствует ещё в начале книги, принадлежащей перу писателя, “наряду с талантом обладающего ещё и набором лучших человеческих качеств”. Но то ли раны время наносит разные, то ли время не давало клятвы Гиппократу, и потому случаются накладки: время далеко не всегда лечит.

По законам жанра и судя по названию “Всё было не совсем так”, книга Гранина должна быть о том, **что было**. Но, судя по тексту, в ней помимо того, что было, присутствуют заметки и наблюдения о том, **что есть**, и даже вопросительные размышления, которые можно сформулировать коротко: “А **что** же будет?”. Поэтому постараюсь “судить”, следуя законам, которые автор сам для себя избрал, создавая книгу.

“Дураков не убывает, а дорог не прибывает” – этот ёмкий и точный гранинский афоризм вполне заслуживает право быть вынесенным в подзаголовок его книги. Однако в таком случае напрашивался бы вопрос “Почему?”. Жаль, ответа на него в книге не найдёшь. И ещё. Вряд ли положение исправят те советы-рекомендации, какие Гранин щедро разбросал по страницам книги. К примеру:

“Не будешь гнуться, не выпрямишься”;

“Хочешь стать свободным – стань равнодушным”;

“Удачу надо жрать, не откладывая”;

“Вода благоразумно принимает форму сосуда”.

Когда и где рождалась философия жизни, какую “любимец славы”, как сам себя называет Гранин, презентует своим читателям? Само собой, в детстве. Книга именно с него и начинается. Даже несколько раньше. С быстрого крупного выигрыша в рулетку, позволившего будущему отцу Д. (и впрямь, не называть же самого себя с первых дней жизни Даниилом Александровичем) для того, чтобы появился на свет наш герой, устроить “совершенно новый брак”. “Первый брак его устарел, испортился”, и только новый, “в этом Д. **был** твёрдо убеждён”, мог способствовать его появлению. На то были две серьёзные причины. Во-первых, “всё, что творит природа, не случайно”. Во-вторых, ещё до рождения наш герой “не представлял себе мира без своего хотя бы незримого присутствия”.

Первые самостоятельные и осознанные впечатления детства Д. связаны с коммуналкой. Но обращает на себя внимание тот факт, что главак о коммуналном житье-бытье юного героя называется не “Коммуналка”, а “Коммуналки”, во множественном числе. Можно предположить, что в главке присутствует некое обобщение. Оно, действительно, есть, хотя и основано исключительно на опыте одной, той, в которой Д. довелось пребывать самому.

Тут жизненный опыт Гранина никакое не исключение. Моё собственное детство тоже прошло по коммуналкам. Получить коммуналку – по тем временам уже было хорошо. В 1954 году во Владивостоке нашей семье, например, довелось несколько месяцев жить в каюте военного корабля, на котором служил мой отец. И только потом была коммуналка, где кроме нас жили ещё две семьи. Можно ли было коммуналку назвать распрекрасным жильём? Смотря с чем сравнивать. Через несколько лет, после демобилизации отца по хрупкому сокращению численности армии и флота, нами в качестве возможного рассматривался переезд на отцовскую родину, в город Ржев. Туда на разведку поехал мой дед. И увидел, что люди в городе, расположенном всего-то в 230 км от Москвы, жили ещё в землянках. Первую отдельную, двухкомнатную, квартиру наша семья из четырёх человек получила в 1963 году. Почему, собственно, я об этом вспоминаю? Наверно, потому, что утверждение Гранина, будто “коммуналка была худшим из всех созданий Советской власти. Насильно согнанные в одну квартиру разные семьи день и ночь должны были находиться на виду друг у друга. Было известно, что готовили, что покупали, ночная жизнь наутро обсуждалась, подслушивали, подглядывали, вызнавали про любовные шашни”, видится мне какой-то полуправдой.

Нет, особой романтики в коммуналной жизни я не нахожу. Конечно, соседи попадались ой какие разные. И хотя жить в деревне мне не доводилось, психология деревенской жизни, как мне представляется, немногим отличалась от коммуналной городской квартиры. Там тоже все про всех всё знали-ведали. Но я не про психологию, я об утверждении Гранина о “насильно согнанных” в одну квартиру разных семьях. Я про суждение писателя о коммуналке, как “худшем из всех созданий Советской власти”. В 1953 году я жил в Москве и, идя каждый день в школу, проходил мимо чёрных барачков, в которых жили люди. Уверен, они там мечтали из них перебраться в коммуналку.

Мне странно, что в череде деяний, столь ему не милых, самым зловерным Гранину кажется, судя по всему, одно: в коммуналке “подглядывали, вызнавали про любовные шашни”. Странно, потому что вспоминаются-то детские годы Гранина, ещё совсем не писателя. Или это оговорка по Фрейду?

Впрочем, если честно, меня мало тронул гранинский пассаж: “*Я не мог уединиться, всюду меня доставала злоба совместной жизни*”. Куда больше взволновала причина сохранившегося у него на всю жизнь чувства затравленности. Тут, не скрою, напрашивается разговор на тему о мужских комплексах, называемых “комплексом сыщика” и “комплексом покровителя”, когда человек, желающий вершить судьбы людей и держать в своих руках бразды правления, подсознательно запрограммирован на недоверие к окружающим. Тихий и незаметный, он, во-первых, ценит себя и своё внимание, проявленное к остальным, и вполне естественно, что он ждёт благодарности за своё участие. Во-вторых, на подсознательном уровне такому человеку страшно нести ответственность за свою жизнь, поэтому ему намного проще управлять жизнью других людей. Превосходство и снисходительная опека будет всегда выделять его. Считается, что невротическое желание кого-то опекать и поучать, быть значимым и любимым есть выражение нереализованных потребностей. При этом демонстрация своей доброты и заботы создаёт у такого человека иллюзию счастливых отношений.

Я верю Даниилу Александровичу, когда он пишет, что желание ощущать важность своей персоны проявилось у него очень рано. Хочу понять истоки этого желания. Откровенность писателя позволяет увидеть три фактора, позволяющие разобраться, откуда, как говорится, ноги растут.

Первый фактор. Гранин рано осознал свой социальный статус – он не кто иной, как “портнихин сын”. Пройдут годы, но, даже будучи писателем, он сохранит в себе ощущение какой-то неловкости и даже стыда за своё “низкое” происхождение. В чужой улыбке ему непременно будет видиться подтекст: “знаем мы, кто вы такой”, “подумать только, как это вы стали писателем, сын портнихи...”. Гранин не уточняет, был ли он к тому времени уже Героем Социалистического Труда, кавалером ордена Святого Андрея Первозванного, лауреатом Государственной премии СССР и Государственной премии России, а также премии Президента РФ в области литературы и искусства, но признаётся: “Мне было обидно”.

Второй фактор. Его детство прошло в окружении “женщин, которые приходили к матери” и “были не похожи на женщин коммуналки. От них пахло духами, у них был маникюр, на ногах блестели лакированные лодочки или ботинки, в шубках, они походили на красоток, нарисованных в журнале мод”.

Третий фактор. Среди соседей мальчика по коммуналке был “доцент Зайкин”, ставший для подрастающего Д. первым учителем жизни. Именно от него Гранин услышал основные положения миропонимания. Сосед зазывал Д. к себе в комнату на чашку чая, сажал в кресло и говорил: “У нас воспевают коллективизм, а что это такое, ты знаешь? А ты не думал, что это стадность? Стадо. Вне стада человеку уже неудобно. Приучили”.

Философию доцента Зайкина герой воспоминаний воспринял с уважением. А потому в книге позволяет себе растолковывать тем, кто “не сознаёт своего невежества”, истины относительно их бытия: счастье – это то, что ты есть, что каждый божий день уцелеваешь. Всё остальное, – с трогательным чувством живописует писатель выстраданную мораль, – это небольшое благополучие. *“Например, я никогда не мог повести жену в хороший ресторан. Вечером видно сквозь окна – там полно, нас там нет и не будет. На самом деле, нам, всем таким, как я, надо совсем мало. Чтоб нам перестали врать. Чтоб менты нас не цепляли и не требовали денег. Чтобы я получал деньги за работу, а не подачку. Ещё бы иметь маленькую отдельную квартиру”.*

Полагаю, этот отрывок где фигурируют невозможность писателя “повести жену в хороший ресторан” и желание “иметь маленькую отдельную квартиру”, не требует комментария. Для того чтобы согласиться с Граниным, признать, что таким, как он, надо совсем мало, мне, в прошлом работнику Госкомиздата СССР, надо забыть одно существовавшее в ту пору негласное правило присуждения писателю звания Героя Социалистического Труда. Он должен был иметь такие тиражи, которые приносили советской стране многомиллионные прибыли и одновременно делали самого автора миллионером. И такими списками Госкомиздат располагал. Но в приведённом здесь пассаже меня больше умиляет то, что в роли критерия несчастной жизни выступает именно ресторан. И, заметьте, какая по-писательски точная деталь: “хороший ресторан” – это недостижимое счастье, а просто ресторан – всего лишь “небольшое благополучие”.

После поездки в Питер я перечитал страницы книги жены, где она писала о своих, ставших и моими, родственниках:

“По-разному довелось жить выходцам из большой дедовской семьи. Мыкались по общежитиям, жили в полуподвалах, вшестером ютились в девятиметровой комнате. И всё это было совсем недавно. Но теперь и они все живут в отдельных квартирах, и многие их дети уже переселились в благоустроенные новые дома.

Если бы мы задумали собрать воедино все награды, полученные родственниками, можно было бы открыть фамильный музей боевой и трудовой славы. Они вырастили, как мне кажется, достойную смену. Среди нас, потомков деревенского механика, есть врач, корабель, учителя, строители, художник, станкостроитель, атомщик, автодорожник, инженер железнодорожного транспорта и связист. И ведь это родственники лишь по отцовской линии.

Перебираю семейные реликвии. Держу в руках паспортную книжку, выданную 13 сентября 1899 года дочери сумского дворянина, девице Надежде Павловне Лесевич, – единственный документ конца прошлого века, сохра-

нившийся от бабушки по материнской линии, перечитываю письмо деда, датированное 1919 годом, рассматриваю мамин школьный аттестат, так не похожий на те, что сама подписываю теперь каждый год, и её дипломы кандидата педагогических наук и лауреата Государственной премии Украинской ССР, достаю из коробочки боевые медали мамы и трудовые награды отца”.

Я был бы последним поддонком, если в моей голове родилась вдруг, хотя бы с перепоя, дикая мысль назвать эту большую, дружную, по всем “параметрам” коллективистскую семью стадом. Хотя и не наблюдал среди её членов с самого рождения “постоянного желания начать жизнь по-новому, без вредных привычек”, какое отмечает в себе Даниил Гранин.

В моих попытках понять ход мыслей отмеченного славой писателя и взглянуть вместе с ним на прожитые годы не следует искать ни желания очернить, низвергнуть “последнего из могиан”, ни стремления, наоборот, вырвать из очевидного забвения того, кто некогда провозглашал бескорыстное, чистое служение литературе. И тут даже не стану поминать эпизоды из его жизни, когда сам он этому принципу не следовал.

Я процитирую тезис, заявленный в книге Гранина, с которым соглашусь безоговорочно: *“Нет и не было правых на той ужасной, на Гражданской. Самоистребление уничтожало лучшую часть людских сокровищ, накопленных Россией, её аристократию, трудолюбивое крестьянство, тончайший слой интеллигенции, офицерство, мастеровых... Всё пошло прахом”*. Писатель развивает его в “клочке” (жанровое определение самого Гранина) о поляках и чехах, когда первые “сопротивлялись немцам как могли”, а вторые “не сопротивлялись и сохранили себя”: “Вопрос – “Кто прав?” не корректен. И те и другие действовали соответственно своему характеру”.

Но, во-первых, выражу глубокое сожаление, что в своих размышлениях об истории, творившейся не где-то вдаль, а на его глазах, писатель постоянно отступает от справедливого тезиса и делит окружающих на правых и виноватых.

Конечно, легко углубиться в давно минувшие дни и рассуждать: *“Говорят, что Пётр истощил Россию. Можно и так судить. Но куда важнее признать, что он воодушевил Россию. Высвобождение из цепких пут старины с энтузиазмом приняли русские женщины, молодёжь. В их быт вошли европейские обычаи и ритуалы, наряды и парики. Женщина стала дамой, мужчина – кавалером. Девушки не хотели больше сидеть взаперти в душных теремах, среди нянек и лампад. Юноши открывали для себя новые сферы деятельности. Это было освобождение, духовный переворот, нравственная революция...”*

Но почему тогда эти “наблюдения” соседствуют с другими, по сути антиподами? *“Оказалось, родился я в древней, мало ныне известной стране “СССР”. Не все уже знают, что значит эта аббревиатура. Чем дальше уходит в забвение эта страна – тем она становится для меня интереснее и даже признаюсь, – милее”*.

Распространено мнение, что времена и героев не выбирают. Как видим, судя по книге Гранина, очень даже выбирают. С несомненной выгодой для себя. Она ведь бывает не только в денежном выражении. Как пишет Гранин, *“тише сидишь – дольше будешь”*.

Чем милее ему СССР? Были кружки, читальные залы, художественная самодеятельность, в каждом районе были парткабинеты, политпросвет школы, собирались профсоюзные собрания, комсомольские и прочее, и прочее, шла общественная жизнь, было понятие “общественная нагрузка”, выходили стенгазеты – таково милое перечисление, сделанное Граниным, который тут же задаёт вопрос: *“И что же мы получили взамен?”*

Это не единственный вопрос Гранина, это не главный даже вопрос содержания его книги. Это вопрос нашего с вами понимания или, точнее, разумеания автора “клочков” из отдельных эпизодов, мыслей и эмоций относительно хода истории. Потому что далее Гранин предлагает тоже перечисление (цитирую полностью!): *“Открылось множество ресторанов, кафе, баров. Хороших, роскошных, современных, ничуть не хуже европейских. Появились заведения всех мастей, всех стран, китайских, японских – не счесть. Испанские, мексиканские, французские, итальянские. Есть рыбные, устричные, бельгийские... Есть ресторан “Идиот”, есть “Заветы Ильича”, “Кукарача”, на любые вкусы. Никогда такого выбора не было. Есть магазины sex-shop”. Значит, всё-таки без Фрейда не обошлось. И вообще, меня восхищает гранинское восприятие жизни, которая у него непременно начинается с ресторанов.*

Вот ещё один характерный “клочок”: “Кризис породил новые страхи – банкротство, не банка, а предприятия. Это что-то незнакомое. Закрываются магазины, рестораны – на нашей улице”.

Летят годы – на смену одному кризису приходит другой, но гранинское восприятие жизни через рестораны остаётся неизменным: “2009 год, бушует кризис, банки, пресса, власти сокращают штаты, избавляются от “планктона”. На нашей улице закрылось несколько магазинчиков, старый ресторан “Флора” обанкротился, вместо него теперь японские “суши” – “Евразия”.

Во-вторых, задержусь на ужасной Гражданской. История России, если приглядеться, – сплошная гражданская война. Чаще это “холодная” война, медленно тлеющая, чтобы потом, в одночасье, низвергнуть царскую империю или развалить Советский Союз. Но иной раз она приобретает самые “горячие” формы, как их ни называй: княжеская междоусобица, смута, пугачёвщина, восстание Болотникова, восстание декабристов, война белых, красных и зелёных, репрессии против собственного народа, развенчание культа Сталина, расстрел рабочих в Новочеркасске, борьба с инакомыслием, ГКЧП или все-российская акция протеста против официальных итогов выборов в Госдуму.

В скольких семьях (не стану касаться братоубийственной борьбы московского, тверского и рязанского князей) ещё совсем недавно гремели раскаты такой гражданской войны после XX съезда КПСС, после ввода танков в Прагу, после начала войны в Афганистане? Попытаюсь воссоздать картинку с натуры споров до хрипоты на семейном “партсобрании” между моими тещей и тестем, тоже своеобразный “клочок”:

– Зачем мы ввели свои танки в Прагу?

– А ты что, хотела, чтобы туда вошли танки бундесвера?

– Да пусть бы и вошли они первыми. Зато потом мы стали бы освободителями, а не оккупантами. За что теперь нашим мальчишкам плюют в лицо?

– Так ты хочешь войны?

Я понял бы, произнеси Гранин, не превращая воспоминания в жующуюся по инерции жвачку, покаянные слова в свой адрес: “Стыдно жаловаться, когда столько людей в стране не имели и не имеют даже десятой доли того, что было и есть у меня, известного писателя”. А потом с горечью и ностальгией по уходящей в забвение интересной и милой стране обратился бы к своим читателям: “Так и хочется спросить: “Ну что у вас, люди, за генсеки и президенты? За кем вы идёте, кому рукоплещете, кому верите, от кого ждёте правды и справедливости? Сидите на кухне и думаете: голосовать – не голосовать... А если голосовать, то за кого... Но есть ли среди них хоть один, за кого не проголосовать невозможно?”

Я согласился бы, скажи Гранин просто и без затей: “Жизнь прекрасна, но жить такой жизнью не хочется”. Но нет, писатель красиво рассуждает о милосердии, о совести, о патриотизме, о правде, прикрывая разговором о них – не скажу: своекорыстную ложь, но чётко выдержанную полуправду, оформленную в почти что афоризмы.

“Социализм у нас был незрелый, перешли в капитализм, он получился дикий, тоже незрелый. Всё время потребляем незрелое, вот и маемся”.

“У каждого народа свои святые и свои антихристы”.

“Все на Земле кормятся бесплатно, все имеют бесплатное жильё, все, кроме человека”.

“История переворачивает жизнь как песочные часы”...

Стоп, а надо ли постоянно стремиться говорить красиво? Действительно, все, кроме человека, имеют бесплатное жильё и кормятся бесплатно. Все – это звери, которые поедают друг друга. Это лучше? А максима про историю, жизнь и песочные часы... Куда справедливей и честней сказать, что это люди переворачивают историю, как песочные часы.

Предположим, что Гранина и впрямь волнует вопрос: “Появится ли новая мечта, ради которой будут жертвовать собой, близкими? Мечта о справедливом устройстве”. Однако странно, что в своих ожиданиях сладостной мечты, толкающей на жертвы, он что-то не вспоминает про необходимость для человека реальных дел, рождающих желанное справедливое устройство?

Собственно, складывается впечатление, что Гранина, задающего тот или иной “волнительный” вопрос, ничуть не интересуется ответ на него. Поставив один вопросительный знак, он торопится пристроить следующий, позаковыристей: “Знает ли Господь о существовании России? Вот вопрос”. Неужели

это и есть главный, полный событий и смысла, вопрос, вставший перед человеком, которому “судьба подарила долголетие”?

Безусловно, вглядываясь в прошлое, своё и окружающих людей, важно уметь задавать вопросы. Для немалого числа людей давно стали любимыми: “Кто виноват?” и “Что делать?”. Вот и мысли Гранина, заявляющего, что ему “хочется исповедаться”, постоянно витают вокруг них. “Мы не находим в себе мужества быть виноватыми”. “Мы, советские люди, были без инициативы”. “Мы были статисты”. “Везде царило единодушие, единомыслие. Самостоятельно думать не нужно”. “У нас если не могут сделать лучше – делай больше, выше, ярче”.

Для понимания того, “кто виноват в этом?” писатель предлагает читателю “клички” о Хрущёве, Брежнев, Андропове, Горбачёве, Романове, Первухине... Но самым часто звучащим именем в книге является Сталин. Как пишет Гранин, “есть в искусстве “эффект попадания”. То есть какой-то романс, допустим, заставляет резонировать вашу душу”. Фигура Сталина возникает на страницах книги чаще других. Становится ясно, что одно это имя заставляет резонировать душу автора.

Нет, было бы странным ждать от Гранина любви и почитания Вождя, Хозяина, Диктатора. Но куда более странным представляется то, что без комментариев остаются чьи-то приведённые им слова: “Ненавижу Сталина за то, что стал трусливым, за то, что столько лгал, задушил свою совесть, предал себя, перестал думать, за все мои подлости, от которых корчусь до конца своих дней. За то, что должен помалкивать, когда говорят о том времени”. Можно предположить, что Гранин воспроизводит их, предлагая читателю самому задуматься над высказанной кем-то мыслью. Но что-то заставляет думать иначе: чем-то чужие слова оказались созвучны его собственному отношению к Сталину. Только почему в лжи и трусости человек винит не себя, а другого, даже если этот другой – всесильный Сталин? Почему виноват кто-то, а не сам?

В пассаже о Первухине (их разговор происходил через много лет после XX съезда, когда многое уже выяснилось и было опубликовано) Гранин пишет про бывшего члена Политбюро: “Почитание Сталина навсегда вошло в его душу, ничто её не поколебало”. Надо полагать, что подобное отношение Граниным не приветствуется. Но неужели заскорузлый страх и рабская зависимость от Сталина принимается им за норму? Ладно, если бы речь шла исключительно об упоминаемых писателем Молотове, Кагановиче, Маленкове, Ворошилове, Микояне, Косыгине, Пospelове. Но ведь почитание Сталина, мы знаем, вошло в души и многих простых людей. А сегодня можно сказать, что и немало числа наших молодых современников, никогда не знавших ГУЛАГа. Однако почему-то этот процесс несколько не волнует человека с “набором лучших человеческих качеств”. А потому думать об этом писатель не намерен.

... Вот с такими мыслями мы с женой приближаемся к Питеру. Первым, кто у нас значится в списке, старший брат недавно умершего тверичанина Фёдор. Не знаю, каким образом сказалось на его характере рождение 8 февраля, и обернулось ли оно, как у самого Даниила Гранина, “постоянным желанием начать жизнь по-новому, без вредных привычек”. Но из своего Журихино Фёдор сначала поехал учиться сначала на рабфак в Кинешму, а затем перебрался в Москву и поступил в МВТУ имени Баумана.

В сентябре 1931 года у студента Фёдора рождается дочь. А он в это время подрабатывает в Закавказье, занимается электрификацией края. Ожидая сына, придумал ему имя РЭМ (революция, электрификация, мир). Регистрировать новорожденную в загсе Сталинского района Москвы отправилась сестра Серафима (мать после тяжёлых родов не могла). Но там сказали, что в справочнике, которым загс пользовался при выборе имён, такого женского имени нет. Серафима, стремясь выполнить наказ брата, прибавила гласную букву “а” в конце имени, но была вынуждена тем не менее зарегистрировать девочку как Реамира. Однако официальное имя не приживётся. Для всех, и родных, и окружающих, она всегда будет Рэмой.

После окончания МВТУ Фёдор получает направление на учёбу в Академию связи имени Будённого в Ленинград. Семья жила в общежитии, окна которого выходили на Поцелуев мост. В углу комнаты стояла большая голландская печь, на изразцах которой Фёдор, решая задачи, писал формулы. Здесь в 1935 году в семье появляется сын, которого называют Иллен (Ильич-Ленин).

А далее как у всех – война. Но первая трагедия происходит далеко от

фронта, в деревне Лежнево, что в 27 километрах от Иваново, куда к бабушке Фёдор отправил жену и детей. В доме тёщи Фёдора 7 ноября три женщины (мать и две дочери, Александра, жена Фёдора, и младшая Людмила) накрыли праздничный стол. К ним присоединились два офицера НКВД, квартировавшие в крыле этого же дома. Посидели, выпили, женщины разошлись спать. Александра с Рэмой спали на одной кровати. Людмила легла в своей комнате. А офицеры продолжали шумное празднование. Один из них стал стучать в дверь к Людмиле, требуя, чтобы она вышла к нему. Девушка не открывала. Офицер не успокаивался. Сквозь сон Рэма услышала слова матери: "Пойду разберусь". Через какое-то время девочка проснулась от того, что рядом не было тёплого тела матери. Она слезла с постели и на пороге комнаты увидела лежащее тело. Судя по всему, Александра, решив угомонить гостя, вышла... и получила пулю. Сам офицер после этого тоже застрелился. Детям сначала не сказали, что мать погибла. Говорили, что она в больнице в Иваново, и даже привозили Рэме "от мамы" записки. Фёдор появился на сороковины. С горя хотел даже застрелиться. Тёща отняла оружие.

В войну Фёдор на Волховском, Карельском и Ленинградском фронтах в 53-й армии Мерецкого. Был начальником штаба связи. Участвовал в освобождении Великого Новгорода и первым въехал в него на мотоцикле. Награждён орденом Красной Звезды, Отечественной войны всех степеней, медалями "За боевые заслуги", "За отвагу".

После войны Фёдор возвращается в Ленинград и становится начальником ОКБ НИИ-17 радиолокационного оборудования. В один из дней ему раздался звонок от Гризодубовой. Легендарная летчица, Герой Советского Союза, полковник В. С. Гризодубова работала тогда в гражданской авиации заместителем начальника московского НИИ-17 (позднее Институт приборостроения) по лётной части. Её подразделение проводило испытания радиоэлектронной аппаратуры для Военно-воздушных сил и гражданской авиации. Фёдор был с ней знаком и дружил ещё с войны. Разговор был короткий: "Немедленно приезжайте в НИИ в Москву!"

Домой в Ленинград Фёдор уже не вернулся. Зная, что в Ленинграде готовится волна арестов и понимая, что Фёдору грозит опасность, Гризодубова организовала его назначение в Новосибирск, где Фёдору Ивановичу предстояло стать основателем Сибирского научно-исследовательского института автоматики (п/я 54). Каким он был человеком и руководителем? Из Новосибирска "позвал к себе" несколько человек, те, оставив Ленинград, к нему приехали. Был случай: спас от суда своего бухгалтера, так вышло, отца будущего первого секретаря Ленинградского обкома партии Зайкова. Но никогда позже своим поступком и знакомством с семьёй Зайкова не пользовался.

В 1950 году "за внедрение в серийное производство новой радиоаппаратуры" Фёдор становится лауреатом Сталинской премии. Тогда же пишет диссертацию. С её защитой вышла особая история. Диссертация уже написана, но в Новосибирске защищать её негде. А тут ещё неожиданная напасть. Тема диссертации связана с изобретённым Фёдором реле, заинтересованность к которому проявили американцы, что, кроме осложнений и крупных неприятностей, в те времена принести не могло. Поэтому работа Фёдора Ивановича остаётся лежать под сукном. И лишь когда какому-то начальнику уже в собственной диссертации понадобилась официальная ссылка на его изобретение и соответственно диссертацию, была организована срочная защита в Томске, прошедшая успешно. Но, боясь продолжения неприятностей, Фёдор в 1956 году демобилизуется. Похоронен на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге.

Чем запомнился родственникам? В большой семье старший брат, к тому же самый "высокопоставленный" (фронтовик, орденоседец, кандидат наук, лауреат премии), всегда претендовал на положение главного в роду. Его побаивались. Диктатор по натуре, хранитель патриархального порядка вещей, сталинист, не изменивший своих убеждений до конца жизни. Сделал песню "Волховская застольная", рождённую в 1943 году, своеобразным "гимном" семьи. Весьма знаменитую в годы войны, разошедшуюся по фронтам, эту песню в послесталинские годы убрали из эфира, она осталась разве что в ветеранских застольях. Он всегда исполнял её стоя и поднимал всех сидящих за столом. Было впечатление, что причиной служил последний куплет:

*Выпьем за то, чтоб ещё крепче стали мы,
Выпьем за то, чем живём.
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем — и снова нальём!*

Я специально завершаю рассказ о Фёдоре на застольях не для того, чтобы подчеркнуть разницу в отношениях двух орденоносцев и лауреатов к Сталину (не зря чуть раньше заметил, что у каждого своя судьба, и история страны каждым видится по-разному), а исключительно из желания понять странные слова Гранина: “Жили весело. Оттого, что нить жизни легко рвалась в те годы, от этого спешили радоваться, гуляли крепко, бояться как следует ещё не научились, поэтому гостей много было и сами в гости ходили”.

Вглядываясь в жизнь Фёдора Ивановича, я и сейчас затрудняюсь определить, можно ли её назвать счастливой, отличался ли Фёдор удачливостью, и вообще, был ли он при рождении желанным младенцем. Другое дело Даниил Гранин, счастливо ведающий, что “был желанным, и это не раз помогало ему, наделило его способностями, здоровьем, я бы даже сказал, удачливостью”.

Несомненные способности и удачливость позволяли Гранину, спокойно принимая награды от Советской и постсоветской власти, без суеты взирать на “хамство как неотъемлемое качество власти сверху донизу”. И предваряя резонный читательский вопрос “почему?”, он даёт любопытное объяснение со ссылкой на Германа Хафнера, специалиста по античности: “Подданный римского императора должен не думать о том, как выглядит его владыка, а с благоговением ощущать свою ничтожность”.

Кто-то предположит, что интерес Гранина к прошлому подогрет банальной ностальгией и недовольством сегодняшним днём. Отчасти готов с этим согласиться. Но есть, как мне кажется, более глубинная мотивировка. И она опять же проистекает из дней давно минувших. Об её истоках можно прочесть у Гранина в “клочке”, где он вспоминает историю после первой своей публикации – рассказа в журнале “Резец” – о неудачной попытке записаться в библиотеку Дома писателей. Писатель по сию пору уверен, что жар юношеской клятвы, принесённой будущему, должны помнить мраморные ступени Шереметьевского особняка: “...помню, как, спускаясь по лестнице, я покаялся, что вернусь сюда победителем, они ещё пожалеют, они ещё устыдятся... Извините, что посягнул на ваш заповедник, говна пирога.

– Я вернусь! Вы ещё пожалеете! Вы увидите, я въеду сюда на белом коне!”

Как тут не согласиться с Граниним, страницей ранее написавшим: “У каждого своё пережитое...”

Казалось бы, можно порадоваться за Гранина: в конце концов он въехал на белом коне и отнюдь не только в библиотеку Дома писателей. Но почему тогда, чем дальше переворачиваешь страницы его книги, тем чаще возникает странное чувство дискомфорта, непонимания, а с кем, собственно, ты, читатель, ведёшь внутренний диалог: с автором книги, с вполне конкретными людьми, чьи фамилии Гранин обозначает, или с анонимными персонажами, чьи слова то закавычены, то начинаются с тире (то есть обозначено, что это тоже, надо понимать, сказано кем-то), то даны без всякого “оформления”. Особенно когда перед тобой случаи, когда автора тянет на философские обобщения. Вот и гадаешь, то ли это пассаж “за кого-то”, то ли авторское размышление-утверждение: “Сократ утверждал, что лучше перетерпеть несправедливость, чем самому быть несправедливым. Как бы не так, а если я могу отсудить себе квартиру, даже комнату в коммуналке? Никакой Сократ меня не остановит. Потому что я ему докажу, что я прав, что это вполне справедливо – отсудить себе комнату, мне она нужнее”.

Во всяком случае, мысль, выраженная здесь, совершенно соответствует тем упомянутым советам-рекомендациям, какими Гранин щедро делится с читателями книги.

Расположив на страницах книги вперемешку смешное и трагическое, сложное и простое, отказавшись от сюжета, хронологии и даже тематической композиции, Гранин, похоже, полагал, что внимательный и наблюдательный читатель сможет составить своё собственное представление о том, как делалась история, какими средствами, какие преступления при этом совершались, что могло быть сделано, что не могло быть сделано, какие люди стоя-

ли у власти, чем руководствовались они в своём житье-бытье. Но, на мой взгляд, писатель не смог совладать с выбранным жанром “клочков”, с очевидной выхваченностью фраз из контекста. У этой формы оказалось коварное свойство. Читатель вынужден сопоставлять и сравнивать. Вот воспроизводит Гранин очередной афоризм не отличавшегося культурой В. Черномырдина: “Мы можем многого добиться, если не будем заниматься реформами”, предлагая читателю вроде бы горько посмеяться. И почти тут же на одной из страниц приводит собственный: “Много знаний теснят ум”. А потом на другой “кнопочкой прикрепляет” ещё один: “Нам надоели банальности, но без них не обойтись, мы больше страдаем от новаций”. И как должен воспринимать читатель после этого самого Гранина?

Ладно, Гранина... Как умудрённый жизнью писатель предлагает воспринимать прожитые им годы? Как мифы Древней Греции? Как эпоху, богатую на душераздирающие трагедии титанических героев? Как прошлое, где царили всемогущие небожители, наплевавшие на свой народ?

Принять за ответ очередной афоризм без авторства: *“– Прежде мы не знали, куда мы движемся, теперь мы не знаем, где мы?”* Или согласиться с развёрнутым ответом, исходящим от Гранина: *“... Вера в коммунизм возвышала. И те, кто прожили свою жизнь, исполненные веры в мировую революцию, в царство справедливости, в миссию советской страны, – они жили великой красивой целью. Что же это – плохо? Извините, может, отнюдь не хуже, чем жить в горечи разочарования и опустошённой души”*?

Но почему тогда сам писатель это “отнюдь не хуже” клеймит буквально на каждой странице, где речь заходит о тех, кто вёл народ “в царство справедливости”? И клеймит совершенно заслуженно и обоснованно. Довелось много слышать и читать о “великом маршале” К. Ворошилове, но не достаточно ли эпизода (о котором я знал и раньше), где Гранин рассказывает о его “программе” подготовки к уличным боям в Ленинграде с пиками, кипятком и горячим варом, чтобы понять уровень руководителя, бывшего тогда председателем Комитета обороны при СНК СССР.

И подобных эпизодов, рисующих картину управления страной партийными функционерами, в книге предостаточно. Картину, из которой становится ясным, кто начал разваливать страну, которая и сегодня Гранину милее.

...Наша следующая “командировка” с женой была в Нижний Новгород. Там среди наших родственников корабельи с берегов Волги, создатели морских атомных субмарин. И вот сидим, слушаем одного из ведущих конструкторов “Скатов” и “Барракуд”, пережившего развал страны и своего ЦКБ “Лазурит”, полуслепшего, получившего совсем недавно, к юбилею, премию в одну тысячу рублей. Рассматриваем домашние фотографии. В них история проектов, рождённых конструкторами ЦКБ, за которыми видна история некогда сильного государства. Вот поход на подводной лодке в автономное плавание на 3, 5 месяца почти до Северного полюса, потом в Атлантический океан – было чем гордиться! Беседуем о том, что стало. Это уже другой период жизни, постсоветский. Тут больше горечи, и личной, и за страну.

Гранинская книга тоже не обходит стороной сегодняшний день, хотя, говоря о нём, писатель менее красноречив, “кочки” на эту тему какие-то невзрачные и непояснённые, словно фотографии без нужной резкости: *“Они составили заговор. Зомбировать всю Россию. Чтобы проще управлять. Сделать из нас быдло. Изготовить стадо, скотов, полезную безмолвную, послушную скотину. С помощью ТВ. Пусть после работы сидят перед экраном и смотрят, как истязают, убивают, ловят, судят. Кругом бандиты. Садисты. Маньяки... Таким образом нагоним страх. Без страха нельзя. Во всяком случае, не дадим думать. Никакой пищи для размышлений. Мозговую активность прекратить”*.

Кто эти “они”? И вообще, идёт здесь речь о лихих 90-х или о нынешнем дне? Или Гранин не видит разницы? И как в таком случае он из рук заговорщиков принимает ордена Святого Андрея Первозванного и “За заслуги перед Отечеством”, премию Президента РФ в области литературы и искусства и не признаётся: “Мне было обидно”? Надо полагать, справедливы его афористичные истории, мысли и эмоции, из которых складывается “картинка, противоречивая и неоднозначная, как сама жизнь”: “Люди легко обходятся той порядочностью, которой обладают” и “Всегда интересен тот, кто молчит”.

Кстати, последняя максима невольно заставляет вспомнить вполне конкретный “клочок” про встречу писателя в 2008 году с В. В. Путиным. Сюжет,

примечательный даже не содержанием монолога Гранина на тему, что подрастает владеющее компьютером поколение “невоспитанных грубых хамов, говорящих на уродливом русском языке, отвыкших писать, да и читать, они могут не знать уже, в каком веке жил Пушкин и что он написал — то ли “Героя нашего времени”, то ли “Анну Каренину”. И это вполне устраивает владельца фирмы, да и руководителя муниципалитета. Так мы будем жить ещё ближайшие годы”.

Примечательный реакцией (вернее, отсутствием реакции) на услышанное со стороны Владимира Владимировича. Гранин пишет: “Мне показалось, что Президент был согласен, во всяком случае, он не возражал”. Но диалога тем не менее не произошло. Видимо, по протоколу он не предполагался или не полагался.

Вряд ли именно по этой причине сегодня Гранину милее времена СССР. Да и на дворе уже стоял как-никак 2008 год. Какие могли быть иллюзии! К тому же Даниил Александрович никогда наивностью не отличался. Поэтому никаких обид не выразил. Так что, напомним, слова Сократа “лучше перетерпеть” и Германа Хафнера про подданного, который должен “с благоговением ощущать свою ничтожность”, приведены в книге Гранина не зря.

И опять я не из стремления выпятить разницу в отношении к власти у двух состоявшихся в своём деле людей, а исключительно из желания понять странные слова Гранина: “Каждый новый президент был по-своему хорош”, не могу не предложить свой вполне конкретный “клочок”, привезённый из Нижнего Новгорода.

Пятью годами раньше встречи Гранина с Президентом в среде нижегородских корабелов-подводников родилась и пелась на музыку гимна “народная песня” со словами, поразительно заглянувшими в будущее. Я списал их:

*Распался навеки союз нерушимый,
Стоит на распутье великая Русь.
Но долго ли будет она неделимой,
Я этого вам предсказать не берусь.
К свободному рынку от жизни хреновой,
Спустившись с вершин коммунизма, народ
Под флагом трёхцветным с орлом двухголовым
И гимном советским шагает вразброд.*

*Припев: Славься, Отечество наше привольное,
Славься, послушный российский народ,
Что постоянно меняет символику
И не имеет важнее забот.*

*Когда-то под царскою властью мы жили,
Но вот наступила заря Октября.
Мы били буржуев и церкви крушили,
А также поставили к стенке царя.
Потом его кости в болоте достали,
Отправили в Питер на вечный покой.
Простите, товарищи Ленин и Сталин,
За то, что дошли мы до жизни такой.*

*Сегодня усердно мы Господа славим
И ленинским молимся славным мощам,
Дзержинского скоро на место поставим
Затем, чтобы нас не пугал по ночам.
Мы всем офицерам дадим по квартире,
И пенсии выплатим всем старикам,
И всех террористов замочим в сортире,
И всем олигархам дадим по мозгам.*

*Коррупционеров засадим в Бутырку,
Чтоб знали, насколько закон наш суров.*

*Мы выдадим всем мужикам по бутылке,
А бабам на выбор дадим мужиков.
Мы время теряли в борьбе и тревоге,
Но нынче мы снова на верном пути.
Вот только б опять дураки и дороги
Нам не помешали до цели дойти.*

Две последние строчки этого “протестного” гимна нижегородских военноморских атомщиков о дорогах, которыми мы идём или нас ведут (кому как больше нравится), живо напомнили мне первые минуты недавнего пребывания на питерской земле. Мы только вышли тогда из здания вокзала на площадь и первое, что увидели – огромный баннер, на котором был помещён известный слоган избирательной кампании “Единой России”: “Будущее за нами!” И то ли величина букв, бьющая в глаза, то ли эмоции благополучного прибытия, но я остановился и спросил сам себя: “За нами – это что, сзади?” Нет, мне был понятен ход рекламной мысли, шедшей от известных слов “Победа будет за нами!” Но там присутствовал глагол будущего времени, который не позволял возникнуть тому, что называется амфиболией – двусмысленностью, получающейся от неудачного употребления или расположения слов. Здесь же необходимый глагол отсутствовал, и вся суть переключалась в предлог “за”.

В результате получилось что-то вроде распространённого крылатого выражения “Казнить нельзя помиловать”. Я решил перепроверить себя и обратился к знакомому французу за разъяснением, как он понимает смысл фразы “Будущее за нами!” Логика обращения к иностранцу была простой – мне хотелось узнать, как понимаются эти три слова в первом, самом непосредственном, прямом восприятии. Я оказался прав, приятель махнул рукой себе за спину: “Это там...” Получалось, партийный слоган, имеющий предназначение звать вперёд, разворачивал народ назад, в прошлое.

Но это ещё не всё. Двумя смыслами не обошлось. Чуть позже я увидел предвыборный плакат с тем же слоганом, по обеим сторонам которого располагались фотографии Путина и Медведева. И тут уже возник третий смысл, из которого становилось понятным, у кого это будущее будет всенепрерывнейше, а у кого (у электората, кому, собственно, плакат адресован) оно как бы останется под вопросом. Что и говорить, неисповедимы пути и дела рекламные! Тут и старика Фрейда поминать излишне.

Однако вернёмся к книге Гранина. У меня отношение к ней тоже очень даже не однозначное. Немало “клочков”, в которых штрихи времени воссоздают, на мой взгляд, точную и честную картину нашей жизни, когда, “всегда живя на пороге прекрасного будущего”, этого самого порога мы никогда не переступали. Чего стоит “клочок”, в котором личная драма высвечивает драму страны, где мы родились, живём и которую, как известно, никому не дано выбирать:

“Николай Антонович пришёл ко мне за советом. Студентом он донёс на Анечку, лаборантку, за то, что она плохо говорила о Жданове. Её выгнали из института. Спустя двадцать лет он встретил её. Она не узнала его. У них завязался роман. Хочет жениться и боится признаться”.

Как фотографически точны сцены “изъятия” специального замка для дверей членов Политбюро в момент снятия Фурцевой в брежневские времена и традиционного, принятого как норма, хамства по отношению к только что снятому с поста секретаря Московского горкома Гришину в пору большого демократа и либерала Ельцина:

“После заседания члены бюро направились в их ход. Мальчики остановили Гришину – “вам сюда!”, показали на общий выход. Гришин по общему ходу вышел на улицу. Подъезжает обыкновенная чёрная “Волга”. “Это вам”, – говорит шофёр.

Первым делом – отобрать, лишить. Самая срочная мера”.

Если бы наши современные менеджеры от политики с таким усердием боролись с коррупцией, способствовали развитию высокотехнологичных производств, занимались модернизацией экономики России и решали социальные проблемы бытия людей, для которых выборы проводятся, но у кого выбора нет.

Впрочем, не зря говорят, что за кого ни голосуй – всё равно получишь таких правителей, которых заслуживаешь. Далекое за примером ходить не надо:

“Врач говорила со мной таким тоном, когда не ждут ответа, как говорят с собаками”.

Современный политический словарь к сегодняшнему дню обогатился новым сравнением: *как говорят с “бандерлогами”*. Слово, рождённое на рубеже XIX–XX веков, вдруг зазвучало с трибуны и на митингах XXI века. Такие вот времена. Гранин, чья книга как раз о времени и о себе, по поводу первой части ограничился китайским изречением: *“Время позади нас, время впереди нас, только с нами нет его”*. Даже не соглашаясь с этой максимой (не спорить же с китайцами, читая книгу Гранина, тем более не ведая, согласен писатель с ними или нет), нельзя не признать, что время – штука коварная.

Не спрашивая нас, оно заставляет одних бежать вперёд, добиваться успеха, признания, власти в конце концов. Однако, как давно заметили люди, всё бы хорошо, вот только, оглядываясь назад на прожитое, очень часто мы понимаем, что многое отброшено в сторону и нет самого главного в жизни – счастья. Его не измеришь метрами, килограммами, не повесишь вместо ордена, не предъявишь другим. Его вообще редко замечаешь, когда оно есть, но сразу чувствуешь, как только оно исчезает. Незримое, нематериальное, но такое ценное, что дороже денег, золота. Считается, что время никого не красит – не уверен. Зато соглашусь с тем, что время, увы, не всем прибавляет разума. Другими словами, частенько приходится видеть: до седых волос дожил, ума не нашёл.

Даниилу Гранину в уме не откажешь. Но, читая его по сути автобиографическую книгу, понимаешь, что счастьем талантливый человек обделён. Так что напрасно издательство приписало ему “набор лучших человеческих качеств”. Книга, как мы убедились, не смогла скрыть их отсутствие. *“Автобиографии знакомых людей читать интересно – видишь, как автор представляет себя и свою жизнь, а ты знаешь его другим. Этой разницей можно мерить нравственность человека”*, – эти слова принадлежат самому Даниилу Александровичу. Правильные слова. И “странные сближения”, воспользуясь пушкинским выражением, разных судеб, обозначенные в этой статье, лишь подтверждают тот факт, что в названии гранинской книги присутствует двусмысленность, подобная той, что есть в известном слогане избирательной кампании “Единой России”. В жизни страны, если по правде, “всё было не совсем так”, как попытался изобразить прославленный писатель в своей книге “Всё было не совсем так”.

Всё было куда проще и сложнее одновременно. Проще – потому что одну веру отняли, другую подсунили, а совсем без веры жить – это худая жизнь.

Сложнее – потому что люди, и те, кто почитал, и те, кто ненавидел Сталина, о насущных делах тем не менее не забывали. Жили без оглядки на китайцев, древних греков и индусов, Б. Брехта, О. Хайяма и Б. Паскаля, Сталина и Молотова: хлеб растили и детей кормили, картошку сажали и худую крышу латали, корову за околицу выводили и по заводскому гудку на работу вставали.

Как могли, как своим умом понимали, трудились. Чтобы потом кому-то можно было и о ресторанах думать. Да, одни любили, другие проклинали. Одни, поднимаясь в атаку из окопа, кричали: “За Родину! За Сталина!”, другие рвали глотки одним звуком: “А-а-а-а-а-а!”, а третьи, как могли и умели, материли всех и вся. Всё как сегодня. Одни кричат: “За Путина!”, другие рвут глотки на митингах, а третьи, как могут и умеют, матерят всех и вся.

Сталина уже более полувека нет, а мы его “поделить” не можем, на какую полку истории положить, не знаем. Так и живём: одни космические корабли выдумывают, другие копают глубже, кидают дальше. И это не демагогия, это жизнь, в которой всё всегда совсем не просто, а сложно. И что, так и будем жить нескончаемой гражданской войной?

Тут бы известному писателю и спросить себя и других: “Почему так живём?” Жаль, ответа на этот вопрос в книге не найдёшь. До каких пор делить и материть друг друга будем?

Если уж говорить о временах и вникать в то, что было, что есть и что будет, придётся сказать: было не хуже, стало не лучше, или (выбирайте сами) было не лучше, стало не хуже. Всё повторяется, поэтому среди лозунгов, принесённых на проспекте Академика Сахарова, был один, вспомнивший классику: “Бывали хуже времена, но не было подлей!”.

Перед тем как закрыть книгу Гранина, я напоследок перечитал “клочок” о Молотове, который после смерти Сталина *“прожил ещё 41 год! Бог ты мой –*

целую жизнь! Было время объясниться с Историей, поправить себя, оставить какую-то ясность. Нет, не захотел. Все, что делал, правильно, честно, мудро, иначе было нельзя, никаких покаяний, фиг вам!” Интересно, понимает ли Гранин, что сказанное им о другом человеке невольно проецируются на него самого?

Но мне не хочется завершать на этом разговор о книге писателя, который по сию пору убеждён: “Мне достался мир постоянно воюющий, суровый, где мало улыбок, много хмурого, мало солнца. Обилие талантов и запретов. Я попал в него не в лучшую пору. В этом мире мне тем не менее повезло. Мне достались времена трагические, весьма исторические, главное же, от них осталось сокровенное чувство счастья – уцелел!”

Тут самое время продолжить фразу, прозвучавшую у меня в самом начале: “у каждого своя судьба и история страны каждым видится по-разному”, – у каждого и свои понимание и восприятие счастья.

Перебирая запасы жизненных впечатлений, Гранин пишет: “Рассказывая о себе, люди творят, рисуют свою жизнь, причём не обязательно выгодно, не всегда приукрашивают, кое-что утаивают, кое-что оправдывают. Бывает и самоуничтожение, и это тоже не случайно. Вообще, кроме содержания, интересен ещё и язык автопортрета, голос, интонация, мимика”. “Магия появления героя состоит в том, что человек появляется из ничего”. Я со всем сказанным тут соглашусь, да и собрание гранинских “клочков” это подтверждает. Разве что сделаю оговорку: из ничего Человек не появляется, появляется такое же ничего. Это как в математике – при умножении на ноль в результате только ноль. Язык Гранина, его голос, интонация, мимика, какие мы видим и слышим в книге “Всё было не совсем так”, – тому свидетельство.

Поэтому в финале я вновь открою давнюю книгу жены и перечитаю строки: “За каждым из документов судьба близких мне людей и... история моей страны. Я знаю хронологию событий минувшей войны, имена героев, но оттого, что среди отстоявших Москву были и мои мама с папой, события полувековой давности отзываются во мне, они коснулись моей семьи. История страны в конечном итоге складывается из личной истории каждого из нас. Государство – это по сути своей мы сами. Долг, совесть, верность, честь, достоинство российского человека – гражданина и семьянина – обретают свою реальность в самых что ни на есть конкретных проявлениях: как мы выбираем свои жизненные позиции и как на них стоим. Успеть бы всё расспросить у тех, кто жил, когда нас не было на свете. Суметь бы рассказать всё без прикрас живущим после нас.

Пока близкие рядом, кажется, что ещё успеешь послушаться их рассказов, и не спешишь задавать вопросы. И только когда лишишься их, начинаешь понимать, как много ты не знаешь о самых любимых тобою людях. И гнетёт мысль, что по твоей вине слабеет нить времён, что связывает прошлое с настоящим и будущим”.

Мне по-человечески эти слова ближе.

Поздравляем давнего друга нашего журнала и его постоянного автора Ямиля Мустафина с 85-летием!

Высоко ценим его вклад в литературную жизнь Советской эпохи и последних десятилетий, а также в дело взаимопонимания между православными и мусульманскими народами России.

Доброго здоровья тебе и новых литературных успехов, Ямил Мустафьевич!